

ской АССР отмене арабского алфавита и насаждению латинской графики в 1920-х гг. Авторы не сочли нужным показать и вклад русской (российской) интеллигенции в развитие национальных культур: деятельность выдающихся лингвистов России по созданию алфавитов для бесписьменных народов, участие педагогов в организации светских школ, в становлении системы высшего и среднего образования в автономах. В ряде глав читателю зачастую предлагается история без исторических деятелей.

Редактирование книги вызывает недоумение: одни главы написаны хорошим литературным языком, другие, напротив, изобилуют стилистическими погрешностями. Часто неоправданно используются современные выражения («политработники нерусской национальности», «языки нерусских народов» (с. 203, 264 и др.). Иногда читатель как через колючий кустарник пробивается к смыслу авторского высказывания. Не всегда указаны работы, в которых подробно анализируются документы, цитируемые в книге без ссылки на источник (с. 197–198)¹. Уничтожительный характер носит применение к территориально-административному делению СССР термина «матрёшка». Плохо продумано и оформление книги. Прекрасно подобранные авторами фотографии размещены хаотично и не соответствуют содержанию текста. Так, иллюстрации «Половецкая каменная баба», «Русский полон» и другие вставлены в гла-

ву «Этнополитика в годы Великой Отечественной войны» (с. 270–273), что, по меньшей мере, бестактно и неуместно. Ценные фотографии, выявленные авторами в государственных и личных архивах, в основном публикуются впервые, но без ссылок на дела и фонды, в которых они хранятся. Не делает чести художнику С. Щербине и «картинка» на обложке, символизирующая многонациональный состав России. На ней изображено скопище лиц неизвестного этнического происхождения. Судя по их головным уборам, в России преобладают не славянские, а азиатские этносы. По обложке трудно понять, какой стране посвящена монография.

Впрочем, эти замечания не снижают значения данного коллективного труда, который создан на основе обширного документального материала, выявленного в архивах и в новейшей специальной литературе. Это глубоко научное исследование на актуальную тему, дополняющее отечественную историографию постановкой новых проблем и нетривиальной (хотя и не бесспорной) оценкой важнейших аспектов этнической истории Российского государства.

В.Г. Чеботарёва

Примечание

¹ См.: Чеботарёв В.Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938. М., 2008. С. 32–37.

Н.Б. Хайлова. Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века. М.: Финансовый университет, 2013. 220 с.

Выход в свет монографии старшего научного сотрудника Института российской истории РАН кандидата исторических наук Н.Б. Хайловой – значимое событие для исследователей общественной мысли, политических партий и движений, социально-экономической жизни пореформенной России. Феномен русского дореволюционного либерального центризма, которому посвящена книга, начал изучаться сравнительно недавно¹, и Н.Б. Хайловой принадлежит здесь достаточно видная

роль. Она – автор ряда концептуальных статей², под её редакцией вышел сборник документов, посвящённый партиям демократических реформ (ПДР), мирного обновления (ПМО) и прогрессистов³.

В центре внимания Н.Б. Хайловой находится понятие «центризм». По её мнению, этот термин можно понимать как в широком смысле («общекультурное явление, связанное с осознанным стремлением к диалогу и согласию»), так и в смысле политическом – как «состояние

сознания и деятельности политических сил, характеризующееся умеренностью, склонностью к компромиссам, дистанцированием от догматизма и экстремизма, неприятием методов насилия и принуждения, стремлением к осуществлению своих целей исключительно в рамках закона». При этом центристская политическая модель подразумевает эволюционный тип развития с сохранением исторической преемственности. «Стрежневая формула политического центризма, — отмечает автор, — обеспечение баланса интересов всех социальных групп и государства» (с. 3). В монографии рассматриваются теоретические представления российских либералов-центристов, восприятие ими различных аспектов экономического и общественно-политического развития России в конце XIX — начале XX в. (аграрный вопрос, положение рабочих, значение и характер собственности, сбалансированность экономики, налоговая реформа, развитие предпринимательства и др.). Большое внимание уделяется закреплению центристских идеалов в программах ПДР, ПМО и партии прогрессистов.

Несмотря на то что либеральный центризм был в дореволюционной России далеко не самой влиятельной общественно-политической силой, Н.Б. Хайлова не соглашается с распространённым среди отечественных и зарубежных исследователей мнением о том, будто он вовсе не оставил заметного следа в истории России. Напротив, исследовательница признаёт самостоятельную ценность центризма и его политического опыта начала XX в., указывая на реализм и взвешенность позиций либералов-центристов, важность для них связи политики с культурой и нравственностью (с. 5–6, 25, 210–211).

Как пишет Н.Б. Хайлова, либеральный центризм был основан на стремлении укреплять в России основы Великих реформ 1860–1870-х гг., подталкивать правительство к осуществлению преобразований в интересах большинства населения. Будучи реалистической моделью общественного развития, центризм не принимал крайностей ни классического либерализма, ни социализма. Он был попыткой адаптировать к пореформенной действительности как либераль-

но-демократические традиции русской интеллигенции, так и новейшие течения европейской мысли. Поэтому центризм являлся плюралистическим феноменом, открытым для воздействия разных идеологий, включая народничество (интерес к особенностям сельского хозяйства и особенно крестьянской общины, к артельной организации труда, возможности отчуждения помещичьих земель), марксизм (признание объективных законов общественного прогресса и роли государства в этом процессе), германский катедер-социализм (поиск «срединного пути» при решении политических и социально-экономических задач) и др. С другой стороны, крайности этих учений (например, экономический детерминизм и нивелирование роли личности в марксизме) русскими центристами не принимались. При решении основных вопросов своего времени они стремились к социальной справедливости, пытались учесть интересы большинства населения и достичь сбалансированного развития государства (с. 47, 49, 58–59, 79, 82, 110–119, 165, 169, 171 и др.). При этом, по мнению Н.Б. Хайловой, не следует считать центризм эклектичным направлением общественной мысли. Идеологи центризма стали в России пионерами социально ориентированного «нового» либерализма, а широта взглядов его лидеров вполне соответствовала неустойчивой ситуации в стране, характерной для переходного периода (с. 212–213).

Носителями центристских идей в конце XIX — начале XX в. были такие выдающиеся русские учёные — историки, социологи, экономисты, как М.М. Стасюлевич, М.М. Ковалевский, К.К. Арсеньев, А.И. Чупров, А.С. Посников, И.И. Ивановы, В.Г. Яроцкий, А.М. Рыкачёв и др. Их взгляды подробно анализируются на страницах монографии Н.Б. Хайловой, что делает её полезной и для истории науки в России. Не менее ценна она также для изучения русской периодической печати, поскольку на её страницах часто встречаются сведения о журнале «Вестник Европы», газете «Русские ведомости» и других изданиях, в которых публиковались русские центристы. Наука, публицистика и политика тесно перепле-

тались в деятельности русских либералов-центристов. Поэтому в монографии детально освещаются позиции центристских политических партий, которые автор сопоставляет с программами партий кадетов и октябристов. Отношение центристов к их соседям по либеральному лагерю, как показано в книге, было дифференцированным. К примеру, в октябристах они сперва видели сторонников «вполне благоразумных» принципов, а затем – защитников «приказного строя» и членов «партии последнего правительственного распоряжения». Симпатизируя кадетам, центристы не признавали строгую дисциплину и партийную иерархию; ту или иную программу они рассматривали не как свод жёстких и обязательных требований, а как некий условный ориентир, насилие как средство политической борьбы было для них категорически неприемлемо (с. 9–10, 13).

Необходимым условием для нормального развития страны центристы считали сбалансированность различных отраслей экономики (с. 79). Залог её процветания они усматривали в сосуществовании разнообразных форм собственности (в первую очередь земельной), которая представляла собой, по их мнению, не только экономическое явление и юридический институт, но и нравственную категорию, тесно связанную с «областью психологии» (с. 89–90). Н.Б. Хайлова уделяет большое внимание взглядам идеологов центризма, размышлявших об организации и производительности труда, о путях развития пореформенной деревни, роли общины, возможности сочетания личного и общинного ведения хозяйства и др., а также анализу аграрных программ ПДР и ПМО (с. 123–144). Как и в своих более ранних публикациях, исследовательница указывает на то, что разработки ПДР отличались «всесторонней обоснованностью, максимально возможной детализацией и определённостью» (с. 124), предусматривая допустимость отчуждения частновладельческих земель за выкуп, при значительной роли в этом процессе государства, а также создание государственного земельного фонда и установление высшего размера частного землевладения (с. 125–129). Отметив

близость решений аграрного вопроса, предлагавшихся ПДР и партией «Народной свободы», Н.Б. Хайлова пишет, что программа, принятая кадетами на III съезде в апреле 1906 г., была фактически заимствована у ПДР. При этом программа ПДР оказалась даже левее кадетской, поскольку в ней больше внимания уделялось интересам крестьянства, а идея государственного земельного фонда приближала её к проектам эсеров и народных социалистов (с. 136–138). Более умеренны были намерения мирнообновленцев (см. с. 140–144). Неудивительно, что столыпинская реформа оценивалась центристами как прогрессивная по целям, но несостоятельная по методам. Они резко осуждали применение насилия при её проведении и повсеместное использование единого шаблона, без учёта местной специфики земельных отношений. Идеологи центризма настаивали на том, что судьбу общины должна решить «сама жизнь». Критиковалась ими и переселенческая политика правительства, в целом характеризовавшаяся как непроизводительная трата государственных средств. Действенным же средством решения как крестьянской, так и многих других социально-экономических проблем центристы считали переход к подлинно конституционному режиму (с. 145–153).

В то же время программа ПДР по рабочему вопросу имела больший уклон «вправо», соприкасаясь с некоторыми установками октябристов (недопустимость стачек в ряде производств, невозможность немедленного введения 8-часового рабочего дня), и лишь в вопросе об улучшении условий труда проявлялась «яркая социальная окраска экономической программы ПДР» (с. 173–175). Как показывает Н.Б. Хайлова, таким промышленникам-прогрессистам, как А.И. Коновалов, П.П. Рябушинский, С.И. Четвериков и др., были свойственны уважительное отношение к рабочим и «искренняя забота не только об условиях их труда, но и о быте (питание, жильё, медицинское обслуживание, образование, культурный досуг)». Опыт московских либеральных предпринимателей – будущих прогрессистов привлёк внимание властей, и некоторые из них ещё с 1880-х гг. привлекались для

подготовки законопроектов, касавшихся организации производства, условий труда и быта рабочих (с. 205–207). Предложенная ими «модель социального партнёрства власти, бизнеса и общества постепенно находила позитивный отклик как во властных структурах, так и среди россиян» (с. 209). Это была попытка на практике примирить в России «капитализм и демократию». Более того, их опыт актуален и для современного поиска форм социальной ответственности бизнеса.

В целом, тематика монографии Н.Б. Хайловой шире той, что заявлена в заглавии. В ней не только раскрывается «центристская модель модернизации российской экономики», но и анализируются важные вопросы социальной, политической и культурной жизни дореволюционной России.

Однако у книги есть и отдельные недостатки. Как пишет исследовательница, центристы претендовали на защиту интересов широких слоёв населения, при этом численность ПДР, ПМО и партии прогрессистов оставалась весьма невелика. Интересно было бы проследить восприятие идеалов этих партий не только в среде интеллигенции, но и в широких массах, выявив причины их непопулярности. Очевидно, что они были глубже, чем недостаток организационных способностей русской либеральной профессуры. Библиографический список в книге довольно обширен, но он включает только русскоязычные исследования, тогда как, например, американские историки проделали весьма большую работу по изучению истории русской буржуазии и, в частности, партии прогрессистов⁴. Кроме того, каждую из трёх глав монографии («Теоретико-методологические основы центристской концепции», «Проблема собственности: Поиск оптимальных форм организации производства и налогообложения» и «Социальное партнёрство: власть – бизнес – общество») можно было бы разделить на параграфы, что позволило бы лучше структурировать материал. Жаль также, что книга вышла тиражом всего в 100 экземпляров. Это, вероятно, затруднит популяризацию её оригинальных идей.

Между тем исследование Н.Б. Хайловой актуализирует опыт центризма (да и либерализма в целом) как значимого направления общественно-политической мысли, выдвинувшего собственный – отнюдь не «импортный», а укоренённый в русской действительности – вариант переустройства страны в переломную эпоху (с. 6, 213–214). Идеи центристов, по мнению исследовательницы, сегодня могут быть полезны не только для понимания российской истории, но и для модернизации современного общества.

Н.В. Макаров

Примечания

¹ Отдельные аспекты этой проблематики освещаются в следующих работах: *Шевырин В.М.* Мирнообновленцы: в поисках «третьей силы» // Полис (Политические исследования). 1993. № 4. С. 165–168; *Вишневски Э.* Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994; *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996; *Селецкий В.Н.* Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996; *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. М., 2002; Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред.: В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 230–383; *Вишневски Э.* Капитал и власть в России. Политическая деятельность прогрессивных предпринимателей в начале XX в. Изд. 2. М., 2006; *Шевырин В.М.* Рыцарь российского либерализма: Граф Пётр Александрович Гейден. М., 2007; *Шелохаев С.В.* Д.Н. Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010.

² *Хайлова Н.Б.* Проблема центризма в русском либерализме в начале XX века // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы. Материалы научной конференции. Москва, 27–29 мая 1998 г. М., 1999. С. 293–305; *она же.* Проблема центризма в русском либерализме в начале XX века (вместо предисловия) // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916 гг. М., 2002. С. 8–20; *она же.* «Старое возродилось в новом...»: Либералы-центристы о преобразованиях П.А. Столыпина // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. К 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина. Международная научно-практическая конференция. Москва, 28–30 сентября 2011 г. М., 2012. С. 72–83.

³ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916 гг. / Сост. Н.Б. Хайлова. М., 2002.

⁴ *Ruckman J.A.* The Moscow business elite: A social and cultural portrait of two generations, 1840–1905. Chicago, 1984; *Thurston R.W.* Liberal city, conservative state: Moscow and Russia's urban crisis, 1906–1914. N.Y.; Oxford, 1987; *Owen Th.C.* Capitalism and politics in Russia: A social history of the Moscow merchants, 1855–1905. Cambridge (Mass.), 2008; *Rieber A.J.* Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982; *Вест Дж.Л.* Буржуазия и общественность в предреволюционной России // История СССР. 1992. № 1. С.

192–201; *Уэст Дж.Л.* Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии (1909–1914) // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 299–329; *West J.L.* Old Believers and new entrepreneurs: Old Belief and entrepreneurial culture in Imperial Russia // *Brumfield W.C.*, ed. Commerce in Russian urban culture, 1861–1914. Washington; L., 2001. P. 79–89; *Уэст Дж.* Видение предпринимательского будущего России: утопический капитализм Павла Рябушинского // Купеческая Москва. Образы ушедшей российской буржуазии / Отв. ред. Дж. Уэст, Ю.А. Петров. М., 2007. С. 224–237.

Церковный голос России*

Вопрос о том, кто, каким образом и с какими намерениями передавал в 1920–1930-е гг. за рубеж сведения о положении Православной Церкви в России, до сих пор остаётся слабо освещённым в историографии. Как справедливо указывает в своей книге известная исследовательница церковной истории О.В. Косик, для ведения и благополучия такой деятельности существовали, по крайней мере, две главные причины. Информирование зарубежья (и в первую очередь эмигрантов) должно было вызвать выступления духовных лиц, религиозных, политических и общественных организаций, и даже правительств других стран в защиту Русской Церкви, а также способствовать оказанию материальной помощи ссыльным и заключённым. Не менее важной для православных, остававшихся в СССР, была и моральная поддержка со стороны эмигрировавших церковных деятелей, особенно при выборе тактики действий в сложных и конфликтных ситуациях, нередко спровоцированных властями, как, например, обновленческий раскол или отход части духовенства и мирян от митрополита Сергия (Страгородского) в связи с его Декларацией 1927 г.

Для ознакомления эмиграции с реальным положением Церкви в оставленной стране составлялись сводки, исторические обзоры, очерки. Так было положено на-

чало первым трудам по истории Церкви в эпоху гонений. Полагая, что «деятельность М.Е. Губонина, А.П. Вельмина, Г.А. Косткевича, М.А. Новосёлова и других, до сих пор неизвестных собирателей церковных материалов, не может быть оставлена без внимания и должной оценки серьёзных церковных историков», Косик стремится «восполнить пробел, чтобы по достоинству оценить труды тех, кто в первые десятилетия советской власти собирал свидетельства о церковной жизни, проникал в суть разворачивающихся событий, сохранял и передавал за границу эти материалы». При этом она внимательно относится к выявленным документам, учитывает напряжённую информационную борьбу СССР и недружественных ему государств, а также работу в этой сфере органов госбезопасности. В 1920–1930-е гг. действительно широко использовались фальсификации, подделки, которые были созданы для борьбы с Церковью, инакомыслящими и организациями, существовавшими вне официальных структур. Посему историку зачастую приходится сталкиваться не только с информацией о Церкви, но и с профессиональной дезинформацией.

Власти в России, строившие новое общество, чувствительно относились к утечке церковной информации за границу. Вмешательство Европы во внутреннюю политику большевиков, пусть даже на уровне пуб-

* *Косик О.В.* Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов). М.: ПСТГУ, 2011. 280 с.